

2. Там же. – р.5.
3. Муфф Ш. К агонистической модели демократии. // Логос. - 2004. - №2(42). – с. 193.
4. Там же. – с.193.
5. Муфф Ш. К агонистической модели демократии. // Логос. - 2004. - №2(42). – с. 195.
6. Crowder G. Chantal Mouffe's agonistic democracy. - University of Newcastle, 25-27 September 2006. – p.8.

7. Муфф Ш. К агонистической модели демократии. // Логос. - 2004. - №2(42). – с.194.
8. Там же. – с. 194.
9. <http://slovari.yandex.ru>
10. Муфф Ш. К агонистической модели демократии. // Логос. - 2004. - №2(42). – с. 194.
11. Crowder G. Chantal Mouffe's agonistic democracy. University of Newcastle, 25-27 September 2006. – p.10.

С. В. Кайгородов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ И ЛЕВЫЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

**Кайгородов
Сергей Владимирович**

директор Уральского института
экономики Санкт-Петербургской
Академии Управления и
экономики

Для рассмотрения современного состояния и перспектив развития левого дискурса, необходимо определиться с содержанием понятий. Как правило, различают два аспекта этих категорий – экономический и политический. «Правый» в экономике – приоритет частной собственности, экономической свободы, рынка, минимизация влияния государства на экономику. Правый в политике – консерватор, сторонник постепенных, эволюционных изменений, без нарушения законов. Это позиция близкая к современному либерализму. Левый в экономике – общественная (государственная) собственность, централизованное планирование, социальная справедливость (или равенство). Левый в политике – сторонник радикальных революционных изменений во имя «общего блага», посредством массовых выступлений, не соблюдая законы. Экономический аспект является формулированием целей изменений (развития), а политический аспект определяет средства, с помощью которых эти цели достигаются.

Средства достаточно полно и подробно описываются с помощью понятия «политический режим».

Можно построить совершенно четкую логическую последовательность политических режимов: тоталитарный, авторитарный, демократический, либеральный и анархический. Логика данной последовательности очень простая от режима с максимальным, практически стопроцентным влиянием на общество, до полного отсутствия какого-то влияния (анархия), через три промежуточных состояния с уменьшением влияния при каждом переходе. Рассматриваемые таким образом политические режимы, представляют собой некоторые идеальные модели, аккумулирующие в себе наиболее характерные, типичные черты реальных политических систем, находившихся в некоторые периоды своей истории в состояниях, близких к соответствующим моделям. Другими словами, идеальные модели, как и любой другой науке, могут рассматриваться только как феномен соответствующей теории. Реально существующие системы, как правило, содержат в своем составе элементы различных идеальных моделей.

Процесс анализа реальной системы состоит в нахождении в ней элементов идеальных систем и в построении модели, которую можно называть реальной. Основная исследовательская задача в данном разделе политической науки состоит, таким образом, в построении двух моделей – идеальной и реальной. Изложенный выше подход к исследованию политических режимов (можно назвать его систематическим), отличается от других подходов, которые имеют место. Можно выделить некоторые из них: редукционистским можно назвать подход при котором все многообразие реальной системы сводится к какой-то одной идеальной модели; эклектичным можно назвать подход, приписывающий реальной системе самые различные черты, без обоснования и без расшифровки смысла подобной операции; метафорическим можно назвать подход, фиксирующий некоторые очевидные черты реального режима и дающий им свои названия в виде метафор, а не научных понятий. Не вдаваясь в подробное рассмотрение режимов, попытаемся определить для каждого из них одну определяющую черту, которая однозначно выделяет данный режим из всех других, и которую можно назвать качественной характеристикой режима. Для тоталитарного режима такой характеристикой мы считаем существующую «монолитность» общественного сознания и его единство с властью, на которое обращалось внимание в работе Л. Гозмана и А. Эткинда. Достижение такого состояния можно считать одной из главных целей власти при любом режиме и предварительным условием эффективного достижения всех других более содержательных целей. Однако нельзя забывать какими средствами и жертвами достигается этот результат при тоталитарном режиме. Единство общества в этом случае является результатом навязывания каждому индивиду такого состояния его сознания, которое соответствует существующим в данной системе стандартам. Для нас в данном случае не так важно кто является субъектом, формирующим и навязывающим эти стандарты, а также средства и методы, которыми обеспечивается это единство сознания. В существовавших в XX веке тоталитарных режимах этим субъектом было государство. Но это совсем не означает, что не может быть других субъектов, достигающих другими методами похожего результата. Это могут быть и экономические структуры и элементы гражданского общества. Такие же результаты могут обеспечиваться и существующими механизмами в самом общественном сознании. Для нас сегодня важно понять, что данное качество тоталитарной модели может воспроизводиться и в условиях сильно отличающихся от уже существовавших в XX веке.

Качественной характеристикой авторитарной модели в некоторых работах считают высокую квалификацию

системы управления, которая обеспечивает эффективное развитие системы и ее преобразование в демократическую модель. Квалификация власти проявляется в ее способности формулировать адекватные ситуации цели общественного развития и выбирать соответствующие средства для их достижения. Можно сказать, что наличие данного свойства является достаточным условием для того, чтобы режим можно было бы считать подлинно авторитарным. Режим, в котором присутствуют все второстепенные свойства (отсутствие или слабость «обратных связей», недопущение «посторонних» в политическую сферу, жесткий характер используемых средств и др.), но отсутствует главное свойство можно называть только «формально авторитарными». Эффективность такого режима будет, скорее всего, очень низкой, их можно считать патологическими, негативно оценивать и стараться их избегать. Нормальный авторитарный режим может обеспечивать высокую эффективность, динамичное развитие и собственную трансформацию в режим демократический. На некоторых этапах развития общества такой режим оказывается крайне необходимым. Политическая история США является убедительным примером эффективности авторитарной модели, а конституция этой страны, существующая практически без изменений уже более двухсот лет, свидетельствует о высокой квалификации ее авторов. Подобный акцент на квалификации системы управления позволяет более точно ставить акценты в политике партий, оппонирующих власти ее следует критиковать не за попытки авторитарного поведения, которые могут быть и необходимыми и достаточно квалифицированными, а за конкретные решения, не обладающие необходимым уровнем квалификации. Но здесь возникает другой сложный вопрос уже о квалификации оппонентов власти. Квалификация любого участника политического процесса может определяться только по результатам его деятельности теоретическим или практическим.

Считается, что реально существующие авторитарные режимы более разнообразны, непохожи один на другой, по сравнению с режимами демократическими. Единственный критерий, который объединяет эти режимы, по признанию многих авторитетных политологов отсутствие выборов (С. Хантингтон, И.А. Ильин). Одной из важнейших причин такого разнообразия является большая зависимость существующих при авторитаризме порядков от субъективных качеств личности, стоящей на вершине иерархии.

Демократическая модель более сложная и выделить одно ее свойство как качественную характеристику трудно. И все же это, видимо «принцип большинства», т.е. следование при решении важных государственных вопросов за мнением большей части населения, а также реализация интересов большинства или реальный учет этих интересов. Строгое выполнение демократических процедур при выявлении мнений недостаточно для того, чтобы считать режим демократическим. Необходимы более содержательные и строгие критерии, причем не только из собственно политической, но и из экономической сферы, в которой и реализуются интересы. Именно в этой сфере мы имеем дело не с процессом, а с «конечными результатами демократии». Это могут быть такие критерии как осуществляемое государством перераспределение доходов, и зависящая от него имущественная дифференциация граждан, и общий уровень жизни населения. Государства, соответствующие этим критериям, иногда

называют «социалистическими» («шведский социализм»), хотя в последнее время чаще употребляется более точный термин «социальное государство».

Либеральная модель как и демократическая прошла несколько этапов развития, но является еще более сложной из-за своей гораздо большей прогрессивности во многих отношениях. Можно сказать также, что реализация данной модели имеет более длительную историю. По этим причинам описать либеральную модель одним принципом или свойством не представляется возможным, и придется отдельно описывать каждый из пройденных либерализмом этапов. Первый этап, который можно назвать «экономический либерализм» состоял в минимальном вмешательстве в экономику, которая благодаря такой «свободе» успешно прошла этап первоначального накопления и бурного развития. Ни о каком либерализме в политической или социальной сфере в тот период не было и речи. Для того чтобы сдерживать стихийные выступления рабочих требовалась сильное государство. Можно сказать, что основной принцип этого этапа принцип «экономической свободы». Насколько обоснованно с современной точки зрения называть либеральным государство, реализующее одностороннюю политику «экономического либерализма» вопрос бессмысленный. Так сложилось исторически, что эта идеология была в 19 в. прогрессивной, и ее реализация дала в конечном счете позитивные результаты.

Можно предположить, что либерализм на Западе в 19 в. и тоталитаризм в России в 20 в. выполняли разными средствами, не слишком, кстати различающимися по степени своей жестокости, функцию концентрации капитала и обеспечивали таким образом один и тот же процесс - индустриализацию. Массовый политический террор в России был явлением из другого ряда и не может быть понят, рационально истолкован и оправдан. Можно считать это особенностью конкретной формы режима «догоняющего развития», осуществленного в нашей стране.

Следующим за экономическим этапом либерализма считают социальный этап, в качестве главного принципа которого можно рассматривать принцип консенсуса (согласия) при принятии наиболее важных решений. «Согласие» на усиление вмешательства государства в экономику и на большие уступки в социальной сфере стало возможно лишь тогда, когда на это согласился класс собственников, которых сама жизнь подтолкнула к этому согласию. Главными факторами, обеспечившими это изменение политики были, видимо, технический прогресс и рост организованности сил, противостоявших «экономическому либерализму».

Третий этап современная форма либерализма делает акцент на правах человека, причем можно подчеркнуть, как делают это некоторые российские авторы, критикующие либерализм за некоторые крайности (например, А.И. Солженицын и А. Подберезкин) на всяких правах всякого человека. Позволить себе такое может далеко не всякое государство, прежде всего по причине недостатка материальных средств для обеспечения реализации данного принципа.

Последняя в данном ряду модель анархия. В 19 в. анархизм был противовесом «экономического либерализма», выступавшему в качестве идеологического оправдания проводимой политики буржуазных государств, охранявших права имущих на эксплуатацию наемного труда. Главной

чертой его был антиэтатизм, имевший основанием вывод о принципиально принудительном характере государственной власти. Модель общества, которая создавалась в теориях анархизма, в современной терминологии может определяться как «самоуправление», которое строится «снизу» и не содержит никаких ограничений для творческого развития каждого человека. Можно сказать, что анархизм 19 в. предвосхитил некоторые черты третьего этапа либерализма, например, идею приоритета прав человека. Предлагавшиеся для достижения поставленных целей средства были различны. Хорошо известны расхождения поэтому вопросу двух самых крупных фигур русского анархизма М.А.Бакунина, который был сторонником революции («левый»), и П.А.Кропоткина, считавшего эволюционный путь единственно возможным («правый»). Рассматривая анархизм, мы полностью остаемся в рамках чисто теоретических моделей, потому что найти примеры целенаправленной их реализации не представляется возможным государству со всеми своими атрибутами продолжает существовать, не собираясь складывать свои полномочия, прежде всего потому, что само общество не готово обходиться без него. Отказ власти от любых решительных действий нельзя трактовать как либерализм. Это соответствует лишь некоторому обыденному, но не научному пониманию либерализма. Либеральными могут быть цели, но приниматься и реализовываться они могут вполне авторитарно. Такое сочетание целей и средств может привести к позитивным результатам с большей вероятностью, нежели какое-либо иное сочетание (либеральные цели и либеральные средства и др.).

Можно говорить не об анархизме, а об анархии, как таком реальном состоянии государства, при котором власть не имеет возможности (или желания) оказывать какое-то воздействие на общество. Это состояние не является продуктом чьей-то целенаправленной деятельности, а устанавливается в результате сложения действия различных исторических факторов. Все структуры государства при этом не только существуют, но и создают видимость бурной деятельности. Государственный аппарат может даже и возрастать. Безвластие обнаруживается уже в отсутствии четко формулируемых и широко пропагандируемых государством общественно значимых целей (как стратегических так и тактических). Подобные состояния неоднократно возникали в российской истории и обозначались метафорой «смутное время».

Если оценивать политические режимы с позиций «правый – левый», то к левому можно однозначно отнести режим тоталитарный (радикальные средства, апелляция к массам). Сюда же можно отнести и анархию, и по применяемым средствам (массовые нарушения законов), и по получаемым результатам (радикальные, революционные изменения). Авторитарный, демократический и либеральный режимы можно отнести к «правому» направлению.

Можно сказать, что время «чистых форм» прошло и каждый реальный политический режим представляет собой комбинацию элементов из режимов почти всего этого «набора» - от тоталитаризма до анархии. Причем этот «плюрализм» режимов существует не только на верхнем уровне государственной власти, но и на других ее уровнях - региональном и местном. Можно предполагать, что только подобная конфигурация власти и может быть достаточно эффективной, потому что позволяет более точно учесть особенности каждого объекта, на который направлено ее воздействие. Задача исследователя найти эти

элементы, определить «вес» или долю каждого, а также их основания, перспективность или консервативность и т.п.

Питер Ф. Друкер - классик американской теории управления, признавал, что в развитых странах общество и государства стали плюралистическими, причем каждое по-своему и беспрецедентным путем, и каждое по-новому. Теории, утверждавшие существование единого организационного центра правительства - в каждой стране, устарели, не успевают за изменениями реальной жизни. В развитом обществе, утверждает он, существует множество центров власти, находящихся вне правительства. Подобный плюрализм не является, по мнению П. Друкера, чем-то совершенно новым, он существовал и раньше, но если прежде он основывался на власти, то теперь он основывается на функции. (Друкер П.Ф., 1994, с.110, 120).

В некоторых работах в современных политических режимах находят элементы очень похожие на тоталитаризм. Считают, что о тоталитаризме можно говорить всегда, когда имеем дело с агрессивным психологическим (или идеологическим) воздействием на человека, предназначенным для того, чтобы навязать ему какие-то требования, нормы поведения, лишаящего человека свободного выбора. В «классическом» тоталитаризме субъектом воздействия было государство, а средством воздействия - идеология, в современных формах субъектом является гражданское общество или поставщики товаров и услуг, средством воздействия - социальная психология, с механизмами рекламы, психологического давления и т.п. Людям навязываются потребности, без которых можно прожить (идеология потребительского общества), навязывается «психология успеха», которая заставляет постоянно стремиться к чему-то большему. В классическом варианте тоталитаризма людей пытались увлечь глобальными целями, в современном, наоборот, приземленными, реальными целями, но для их достижения приходится постоянно «напрягаться» и в работе и в отдыхе («цивилизация досуга»), что и требуется.

Джордж Сорос в своей работе «Кризис мирового капитализма...» вводит понятие «рыночный фундаментализм», который, по его мнению «представляет сегодня большую опасность для Открытого Общества, чем тоталитарная идеология... Мировой капитализм позволил рыночному механизму и мотиву получения прибыли проникнуть во все сферы деятельности, даже туда, где им нет по существу места... Сам рыночный фундаментализм наивен и нелогичен: рыночные силы, если им предоставить полную власть, даже в чисто экономических и финансовых вопросах, вызывает хаос и в конечном счете могут привести к падению мировой системы капитализма... Капитализм и Демократия не идут рука об руку, как считается. Демократия нужна капитализму в качестве противовеса, так как он не ведет к равновесию» (Сорос, 1999, с. XXIII).

К.С. Гаджиев рассматривает «горизонтальный тоталитаризм», который в классической форме существовал в форме доноительства граждан друг на друга. В современных формах он выражается в психологическом давлении со стороны окружения, заставляющего следовать установленным в обществе правилам и нормам (Гаджиев, 1999, с. 20).

Рассматриваются различные формы политического манипулирования: «медиократия», «информационный фашизм», «информационный тоталитаризм», наиболее широко и эффективно применяемые в США.

Не будет преувеличением утверждать, что практически вся активная часть американского общества искренне считает свой образ жизни и свою систему ценностей универсальными, являющимися наилучшими для всех людей мира, и понимает задачу их всеобщего распространения и внедрения во все человечество как свою историческую миссию, сходную с религиозной... Феномен «демократического фашизма», «демократического тоталитаризма», «демократического террора» еще ждет тщательного, разностороннего и, самое главное, беспристрастного изучения. Такое изучение в принципе не может начаться сегодня, когда еще не осела пыль развалин, а кровь жертв не впиталась в землю. Однако уже в настоящее время становится неоспоримым, что, провозглашая на словах ценности «открытого общества» и энергично навязывая их формальные признаки всем зависимым странам, США каждым своим практическим шагом отвергают их содержательную часть (Практика глобализации, 2000, с. 225, 226).

Р. Даль, рассматривающий множественность центров власти («полиархия»), пишет, что в США правительства разных уровней (федеральное, штата и местное) находят много способов для вмешательства в экономику, например:

страховка на случай потери работы; пенсии по старости; налоговая политика, направленная на предотвращение инфляции и экономического спада; обеспечение безопасности продуктов, лекарств, транспорта; система здравоохранения; медицинское страхование;

образование; продажа акций, облигаций, других ценных бумаг;

создание административно-территориальных зон; установление стандартов и норм в строительстве; страхование экономических рисков, борьба с монополизмом и иные ограничения свободной предпринимательской деятельности; регулирование тарифов и квот на импорт;

лицензирование врачей, юристов, бухгалтеров и других специалистов;

регулирование деятельности промышленных фирм с целью охраны окружающей среды или ликвидации уже нанесенного ей вред (Р.Даль, 2000, с.168).

Это можно определить как элементы авторитарного режима в либеральной в целом экономике.

Важным позитивным изменением можно считать ставший повсеместным отказ не только от революции как средстве решения социальных проблем, но и от радикальных действий и программ. Уже цитированный П. Друкер приводит примеры, которыми можно проиллюстрировать это утверждение:

Ф.Миттеран, считает он, пришел к власти с честолюбивой программой превращения Франции в страну «социалистического чуда», с которой ему пришлось расстаться ровно через пять месяцев. С тех пор ему решал лишь две задачи: удержаться на посту президента и назначить на ключевые посты в правительстве и бизнесе своих сторонников. Другой «долгожитель» в политике - Г.Коль по мнению Друкера тоже не проводил никакого политического курса и не выдвигал никакой политической программы, а решал проблемы по мере их возникновения. Отсутствие в данный период каких-то глобальных проблем можно считать следствием достаточно высокой квалификации как этих политиков, так и тех, кто руководил до них и привел систему в столь благополучное состояние. Показателем квалификации можно считать и осознание ими не важности глобальных целей и планов (Друкер, 1994, с. 157).

Французский либерал Г. Сорман называет «принципом Хайека» идею, состоящую в признании независимости общественной жизни от наших знаний и действий, чем и обоснован отказ от радикальных действий (Сорман, 1992, с. 59).

В России подобный отказ происходит хотя бы на теоретическом уровне, можно сослаться на работу Е.Гайдара «Государство и эволюция». В практике отказаться от применения средств и методов, которые нужно квалифицировать как «левые» гораздо сложнее. До равновесия между «левым» и «правым» еще далеко. Она продолжает колебания между крайностями, нередко совмещая несовместимое (например, «радикальный, революционный либерализм»).

Литература:

- Гаджиев К.С. Политическая философия / Отд-ние Эконом. РАН; научн.-ред. совет изд-ва «Экономика». - М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999. - 606 с.
- Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М.: Издательство «Евразия», 1995. - 203 с.
- Гозман Л., Эткинд А. От культа власти к власти людей//Нева, 1989, N 7, с.156-179.
- Даль Р. О демократии/Пер. с англ. - М.: Аспект Пресс, 2000. -208 с.
- Друкер Питер Ф. Новые реальности (в правительстве и политике, в экономике и бизнесе, в обществе и мировоззрении). М.-"Бук Чембэр Интернэшнл", 1994- 377 с.
- Практика глобализации: игры и правила новой эпохи.(Братимов О.В., Горский Ю.М., Делягин М.Г., Коваленко А.А.) - М.: ИНФРА-М, 2000. - 344 с.
- Сорман Г. Либеральное решение.- Пер. с франц. - М.: Изд-во «Новости», 1992. - 272 с.
- Сорос Дж. Кризис мирового капитализма: Открытое общество в опасности. Пер. с англ. - М.: ИНФРА-М, 1999. -XXVI, 262 с.